THE BEST елесность

Юлия Мамочева

Юлия Андреевна Мамочева
The Bestелесность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12841398
Юлия Мамочева. The Bestелесность: «Геликон Плюс»; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9906596-1-2

Аннотация

Шестая книга Юлии Мамочевой создавалась на протяжении 3/4 жизни двадцатилетней поэтессы. «The Bestелесность» – это сборник лучших стихотворений того самого «ужаса, летящего на крыльях ночи» (© Дмитрий Быков): в нём живут как всеми любимые хиты «девочки из Питера», часть из которых положена на музыку отечественных рок-исполнителей, так и ещё не известные российскому читателю и слушателю стихотворения, написанные автором на английском языке и уже заслужившие одобрение на Западе. Книгу предваряет блистательное предисловие Андрея Дементьева.

Содержание

Путь к красоте. А. Дементьев 6
«Я удрала бы до Европы-то…» 8
Первоснежье 10
Девочка 12
Сорванец 15
«Я иду по проспекту, мой Питер совсем погас…» 17
Бунт 18
Гитарная прелюдия 20
Межстоличный романс 22
Молитва – Георгию 23
Чайка танцует 25
Потомку 27
«Спи спокойно под свист метели…» 29
Немезида 30
Мистическая баллада о небезвозвратно почившем господине Дне и последствиях его успения 33
«Ах ты детство, детство неразумное…» 39
Ведьма 41
Царскосельские лебеди. Поэма 46
Post factum 52
Сквозь века 53

Певец. Скандинавская баллада 55
Дом 60
Молния 62
Вершина 63
Снег выпал 65
Авель 67
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Юлия Мамочева
The Bestелесность

За финансовую поддержку проекта автор и издательство выражают сердечную благодарность Евгению Александровичу Луканину

© Мамочева Ю., 2015
© Дементьев А., 2015
© S. Krolick, 2015
© «Геликон Плюс», 2015

Путь к красоте. А. Дементьев

Юлия Мамочева – не новичок в поэзии. У неё вышло несколько сборников, она лауреат престижной Бунинской премии. Её стихи очень искренни, и потому читатель верит ей, когда она говорит о своём родном Петербурге или признаётся в любви к великому прошлому России, через поэтические детали раскрывая её величие и суть. Принимая жизнь такой, какая она есть, Юлия Мамочева находит в ней те прелести и затаённости, которые не то чтобы приукрашивают её, а открывают перед читателями новые грани нашего бытия.

Лирик по призванию и по характеру дарования, Юлия Мамочева нередко обращается к эпическим формам, чтобы полнее раскрыть те события, которые волнуют её и привлекают. Например, стихотворение «Немезида» – лирическое по существу и очень тонкое по художественным деталям в то же время напоминает поэтический рассказ, что дополняет картину происходящего.

А какой замечательный образ Петербурга дан через метафору:

…И вижу, разомлев,
Свой Питер, словно бабочка, приколотый
Иглой Адмиралтейскою – к земле.

Новая книга Юлии Мамочевой привлекает широтою позиции автора и её глубоким проникновением в наше бытие. Чувствуется, что поэт образован, влюблён в красоту, которую находит вокруг нас, и радуется ей.

Андрей Дементьев

«Я удрала бы до Европы-то…»

Я удрала бы до Европы-то
От народного нервного ропота;
Чужестранной натурой тронута,
В ней цвела б, от своей схоронясь.

Или падчерицею тропикам
Придурнулась бы, мыкаясь робко там.
Я б долой!.. Да стипендия пропита
И на морде не высохла грязь.

Черт дери! Наша сырость – не Сирия;
Как скулит земля от бессилия!
Я – лицом в неё: подкосили меня
Те, с кем сердно делила путь!

Но об этих – молила, просила я
У блаженных голов Василия.
Храм бессловствовал – дура спесивая,
Я своё продолжала гнуть.

И осмеяна всею Россиею
(Бита смехом, как хлыстищем – лошади!)
Вновь – на Красной со сраму площади —
Зло валилась Руси на грудь.

…Я в Бразилию б иль в Малайзию,
Полонезом бы – в Полинезию
Унеслась. Да – никак! Эх, чёрта с два:
Прочно прочь кандалы не дают!..

Ведь сама ж сему безобразию
Присягнула – его поэзию,
Вкус родной чернозёма чёрствого
Полюбила, как чудо чуд.

Бдят тер-Питер и Москоу-сити.
Бредит Родина. Рдеет стяг.
Други! Ярости не просите:
Эх, косите меня! Косите!
К небу только не голосите —
Мне обещано: вас простят.

Первоснежье

Ты, Россия, насуплена, аки индейский вождь,
Бледномастна и скорбнолика, что ваша милость.
Я тебе: «Скоро зимушка!..» – ты умиляясь, глумилась:
«Дамы и господа, на арене Великий дождь!»

Я, настойчиво: «Деспот! Бессовестный светокрад!»
Да с возводом в квадрат, да с проржавленной резью в глотке.
Мы – злосчастная троица в этой дырявой лодке,
Вместо пса – про запас – ливневой голограммный ряд.

И сплетенья теней – мира жизненное тряпьё,
Завывающий город – как наглая псина, борзо.
Напряжённо молчим. Только мокрою дробью Морзе
Ливень в крыши вбивает двуточья над всеми «ё».

У России в глазах зеленится озерная синь,
Слезы гордых княгинь над безвременно спящим князем.
Так что хочется падать – с дождём, непременно наземь,
И на чёрной земле диффузировать с чёрным инь.

А когда ты зальёшься в неё с головы до пят,
И когда прорастут васильки сквозь твои глазницы,
Небо скажет: «Привет». Долгожданно заледенится.

И прорвётся из губ его ласковый снегопад.

Девочка

Был он любим добрыми
Девами с дельными догмами:
Теми, что ласковы домрами
Душ, тихострунно чужих.
Был он любим белыми
(Бренностных благ колыбелями),
Только ведь звал их бельмами,
Сердцем не будучи лжив.
Выбрал-то, бедный, ту,
Жесты которой – безумны:
Поцеловала – и привкус сутки во рту
Густо-солёный, как если б дала в зубы.
Переглянулись – и, как говорится, беда:
Карее буйство в глазоньки парню вылилось…
В жизнь её он вошёл, словно в Иордан,
А саму – неосмысленно, словно дар,
Возлюбил. За вредность, за недовыверенность.
За руку брал – круговертью неслось естество,
Ночь в животе розовела в разрывах звёздных…
Эту – любил, как не смел бы – себя самого;
Так, как не женщину любят, но воздух;
Так, что неведомой, жгуче-пунцовою силою,
Пальцы из разу в раз наливались, пульсируя,
Искру свиданья на нить судьбы нанизав

В полусвятом упоении опьянелом.
Так он любил – каждой клеточкой, всяким нервом,
Так, что ему и небо не было небом,
Если не отражалось в её глазах.
Так он любил – как, сказать по правде, не велено;
Так, как вовек человечьей не выразишь мимикой…
Только она не верила. Нет, не верила.
Дескать – доказывай, миленький.
Тот горячился. Речи любовные гречневою
Кашей горчили в нёбо, с слюною смешиваясь…
Ими давился он. Сплёвывал полупрожёванными.
Скручивался кручиной нерассекреченною,
Милую клял за смышлёную полунасмешливость,
Нежно, ненужно – жалеем чужими жёнами.
Лживо иль живо жалеем чьими-то вдовами,
Жизнью швыряем по графику функции синуса —
Пил валидол он, захлёбывался доводами:
Доказать силился.
Силился-силился, плюнул… Да сгрёб в объятия
Счастье своё, неизбывное, как проклятие.
Сгрёб и прижал к ревущей в груди круговерти
Злую свою, свою вредную-в-мятой-майке.
Так, что она начала немножко верить. И
Сразу с чего-то
стала
немножко
маленькой.
Так, что сквозь небо
в глазах её – эка невидаль! —

Сразу откуда-то глянула дерзкая детскость,
Так, что затихли все эти лишние «дескать»…
Странно: в окне расцвело
такое же
небо.

Сорванец

Под небом задремать мечтал бы каждый…
Моя постель – опавшая листва.
Я сорванец, в котором жив пока что
Всесильный дух святого озорства!..
Лежу в саду, волненьем трав овеянный
Да тишью ласковой, чей сумрак так знаком;
Пред сладким сном, своим созвездьям вверенный,
Их упиваюсь сладким молоком.
Я сорванец. Устав от пыльных комнат,
От духоты рутинных стен устав,
Дышу. Пока опекой ночь покоит
И сахар звёзд мерцает на устах;
Покуда вечностью, на семь часов помноженной,
Истома благостная плоть не начинит…
Коль вдруг очнусь – ещё впотьмах, встревоженный, —
Зажгу Луны спасительный ночник
И снова – в сон. Нырну, как в небо – жаворонок.
Умру, чтобы воскреснуть на заре:
Её хлебнуть трепещущими жабрами
И раствориться в жидком янтаре
Восхода, раззадоренного зарева,
Которого никто не опроверг…
Лежу в саду с закрытыми глазами.
Читаю звёзды по изнанке век.

«Я иду по проспекту, мой Питер совсем погас…»

Я иду по проспекту, мой Питер совсем погас.
Как Пегас, углекислый газ в темноту – из губ.
Над каналом алеет калиной накровный Спас,
Он мозаично ряб и межзвёзден, что Божий глас
Или радостный вальс из глубин оркестровых труб.

В филармонии где-то клонируют гиперзвук,
От дневной оживает обыденности Эрмитаж.
На Руси минус энное – градусов, птиц – на юг:
Милый друг, это «вдруг» – обессмерченный временем круг,
Неизбывный, как смена сезонов и мой этаж.

Бунт

Город проснулся и вяло курил, выворотив роток. Городу холодно: бедный, продрог, верно, до костяка. По капиллярам хрустящих дорог жиденький кривоток сонного транспорта утро торил первостью марш-броска. Город спросонья трубил хрипотком: «Боже, какая рань!» Гордый, он тщетно таращился ввысь, милости не прося: скоро народа роящийся ком тошно забьёт гортань; месивом будет на улицах выть, тесный, как рыбий косяк. Будет народ подниматься волной с тонким амбре гнильцы; жадно гудеть, точно дьявольский рой: улей – да иже в нём. Бурно загрохает бранная дробь, дружное: «Все подлецы!»

Город похож на огромный гроб. Люд погребён живьём.

Солнце плеснуло свет, как елей, греть не желая рать. В сердце столичное целит лучи тысячей смертных жал. Город был грешен, как всё на земле: начал паниковать;

Волею тысячи первопричин голос его дрожал. Вот уже впрямь из-под чёрных забрал стали блажить в толпе, всякий желал – да побольше! – добра и потому хрипел. Самый поток непрерывно орал в пёструю светотень. Всех обличая – от древних пра до нерождённых детей. Буйно разил, продолжая стращать, люд городскую суть, как перегаром разит перебор, вымученно плакуч. Это безумие можно понять было бы как-нибудь: хочется золота: если не гор, то уж как минимум куч.

Только не видели корня идей жертвы живой толпы: золото есть продолжение зол, есть порожденье зла. Город мутило от массы людей. Люди были слепы. Плыли по-рыбьи на низменный зов, коим корысть звала. И, разливаясь, дурная напасть всюду всплывала вверх; и, разгораясь, народная голь всё обращала в прах: голь упрекала никчёмную власть и продавцов утех и, не смирея, винила глагол в самых смертельных грехах. Если бы кто-нибудь по тормозам в этот ударил день! Если бы кто-нибудь только вскричал: «Люди! Начнем с себя!..»

Этого некому было сказать. Горло своё теребя,
Город давился началом начал конченых всех идей.

Гитарная прелюдия

На гитаре впервые – взрезало неожиданно,
С милосердием скальпеля с пальцев силу скобля.
Ворожи давай! Выжжены все миражи давно!
Мол, в созвездия скатывай эти – от си до ля.

Ах, гитара моя! Странным шествием шестиструновым
Прошерстила я вас по пространно шальной оси…
Ну же, сильная, спойте! Любите меня, как сестру!.. Но вы
Предпочли припечатать промученным до-фа-си.
Ах, какая же, деточка, всё-таки горе-игрунья вы:
Непонятней настырности вашинской лишь фарси!..

Пульс струится по струнам, отплясывая по-скрипковому,
Рассыпаясь в молекулы славно обильных мук.
Пальцам жарко на кончиках самых, как от постскриптума
Благовестного – к чёрно трагическому письму.

Где же я: на орлиной скале ль, на коралловом рифе ль;
В звуковолнах плыву ли, привольностью развалясь?..
Богомольем бемольным таинственно веет от вас…
Я ласкаю ваш гриф, точно в точку наточенный грифель,
Чтоб искусство рождать, над искусником чувствуя власть,

Шестиструнье сжимаю, вгоняя металл – в подкожье,
Рвётся кокон и куколка. Как колокольный гул,
Из гитарной груди проливается нега Божья,
Словно солнечный сок на проснеженную тайгу…

Межстоличный романс

И снова перрон: получас полугодом тянется.
В каждом всполохе сердца гудит орудийный залп.
Я устало вхожу, как святая безродная странница,
В ожидальную – как в переполненный зрительный зал.

И народом продрогшим она, бедолага, давится.
И народ, обезличенный в серо-живой толпе,
Пьёт шампанское под новогодье за доброе здравьице
И мечтает о соло уютной тени купе.

Кто-то съёжился дрёмою: всякий – на свой манер, но
В неуклюжих объятьях вокзальных перипетий…
У меня перспектива – плацкарт, что весьма партерно,
И спектакль длиною в десяток часов пути.

Мой состав растянулся линейкою кордебалета;
Застывает над ним, расклубясь, паровозный вздох…
И клеймом почернелым на розовой плоти билета
Я читаю судьбу по названиям городов.

Молитва – Георгию

Я могла б сейчас накурить ванили – кучерявые, знаешь ли, облака. Я могла б вскричать, что меня избили, ведь на вид похоже наверняка. Я могу придумать мильон историй, что мильон терзаний, от «а» до «я». Дескать, «дай мне силы, Святой Егорий, ибо в каплю сжалась на дне – моя. Подари, родимый, как в санаторий, мне ночной – до рая, ну в те края».

Ты помог бы точно несчастной дуре. Ты б на море выслал Сторукий Рок. И в натуре – всяческой диктатуре дал совет раскланяться под шумок. И лазурь от грохота гневобури породила б манны святой творог. Только он сродни дорогой микстуре, что так часто – в горло, так редко – впрок.

Ты же знаешь, лбом не долблю я пола и осанню редко по небесам. Для меня всё поле – дешевле гола; но такого, что забиваешь сам. Для меня всё поле дешевле пули, если «дело право, и враг разбит»: точно сэру Полу (при всем разгуле) Пол-Земли – той комнаты в Ливерпуле, где рождался первый битловский бит.

Мы с тобой друзья; а вруны да воры пусть тасуют сами все «да» и «нет». Я довольно редко хожу в соборы, потому что нравится – тет-а-тет. Я глупее многих, я многих хуже и порою барствую, как в бреду. Но лишь я, и только, и точка, друже, – по дороге этой к тебе бреду. И ко мне ты можешь

зайти на ужин, хоть резвятся черти в моём пруду.

Я могла молить бы тебя о счастье, на века исполненном в кирпиче. Чтоб рвалось ключом, веселя отчасти. Но вопрос поставлен в ином ключе… Рудиментом станут вопрос – ответ, коль известно сущее наперёд. Мне плясать не лестно – марионеткой, кем бы ни был истинный кукловод. Оттого-то я не желаю силы, кроме той, что бродит уже во мне. Я хочу, чтоб небо меня простило и в обоих смыслах не гнить в вине.

Чайка танцует

Чайка танцует!.. Смотрите: танцует чайка —
Там,
за кормою,
метрах от силы
в трёх.
Плавно – ловчее, чем вольная половчанка,
Пылом – плачевней,
чем уличный
скоморох.
Белая духом – с лаской отцовской, былинной
Пляс свой глядит в голой глади —
сквозь вечера:
В водах речных, отливающих мокрою глиной —
Той, что молчит
человечьим рукам
гончара.
Смотришь безвыдохно,
взгляд отвести не смея,
Плоть искупав искупительной смертью дня,
Что остывал, горизонтову кривь кровеня, —
Чайка танцует, как самая Саломея;
Там, за кормой, на глазах у праздных людей,
Прозою взора прозревших для этого танца,
С плеском вершит ослепительный пляс святотатца

Та, до которой —
лишь пара шагов
по воде.

Потомку

Тише, потомок. Замедли бессмысленный ход.
Вчувствуйся в суть. В ленинградски свинцовую высь.
Выстрадай сам эти суточки, все девятьсот.
Я помогу тебе, ты – не сломаться клянись.

Сможешь представить клубящий снарядный смрад?
Видеть голодные глазоньки тех детей?..
Вслушайся в воздух: с тобой говорит Ленинград —
Голосом, сорванным тысячами смертей!..

Нынче-то свеженько: славься да хорошей;
Нежишься сам над Невою, навзрыдно нов…
Но не затянутся плотью рубцы траншей,
Вырытых прежде – руками моих сынов!..

Сердцебиенье моё – метрономный гул
Чёткими точками: Нечет. Молчанье. Чёт.
Время играло на нас – и назло врагу.
Время дробилось – а нынче оно течёт.

Чувствуешь ли меня? Слышишь ли, милый мой,
Ужас, что в мирные годы невыразим?
…Я для тебя, коченея, крепчал зимой,
Я научился совсем не бояться зим.

…Вечны под пудрою времени рытвины ран.
Пульсом по улицам сытым – мои шаги:
Я прорастаю из межвековых мембран
Памятью внуков – на мёрзлой земле могил.

Я пробиваюсь морщинами площадей,
Призраком мужества в людных брожу местах…
Помни, потомок: я жив для тебя. Владей!
Видь меня – тенью роскошества-на-костях.

Слушай же голос моих индевелых уст!
Стой, сколько сможешь. А после, решив уйти,
Просто представь себе горько-земельный хруст
Тех иждивенческих ста двадцати пяти.

Да, засыпая в теплыни своих пенат,
Слушай тяжёлую горько блокадную высь…
Помни, потомок: с тобой говорил Ленинград.
Память о нём сохранить поклянись.

«Спи спокойно под свист метели…»

Спи спокойно под свист метели,
Усыпляющей, голубой…
Небо цвета промёрзшей гжели
Расстилается над тобой,
Накрывает морозной тенью,
Колыбельной сводя с ума.
Хочешь вырваться? Нет спасенья —
Всюду ночь. И зима, зима…
Вот уже, оплетённый дымкой,
Мир затих, молчаливо строг…
Только бродит сон невидимкой
По узорам пустых дорог.
Спит Земля, не ища возмездья,
Ветра слыша гудящий хрип.
А над нею плывут созвездья
Косяками священных рыб.

Зима 2006 года

Немезида

это стихотворение о скульптуре Немезиды, дочери богини Ночи, выполненной итальянским мастером А. Тарсия, я посвящаю людям, мужественно сохранившим красоту Летнего сада в годы страшной блокады Ленинграда, в частности Г. А. Симонсону

Старый сад не исчез из вида,
Он не скрылся, заснув, из глаз…
Отчего ты грустна, Немезида,
Будто смертный предвидя час?

Стали дни по зиме короче…
Так зачем же теперь, впотьмах,
Ты, дитя итальянской Ночи,
В ленинградских молчишь слезах?

Серебрит драгоценный иней
Королевских дубов резьбу,
И лежишь ты, моя богиня,
В деревянном лежишь гробу.

Припорошена снегом тога,
Пальцы стиснули лавра цвет…
Не гляди с укоризной строго —

Ведь иного спасенья нет!

Гром бомбёжек – твоя панихида,
Вместо лиры поёт снаряд.
Но не гневайся, Немезида:
Отстоит тебя русский град!

За садовой чудной оградкой
Он живёт – не погиб, не пал!
Стала ты его ленинградкой,
Он тебе пантеоном стал.

Рвут зенитки. Под эти звуки
Зимний Летний свой сон хранит,
И промёрзшие чьи-то руки
Гладят мрамор твоих ланит.

Кто-то хрипло читает «Отче»,
Хороня, точно клад – в скале,
Божество итальянской ночи —
В подсолённой от слёз земле.

Но не надо могилы бояться:
Не пройдёт и десятка лет —
Из траншеи номер семнадцать
Выйдешь снова на белый свет,

И сквозь кружево стройных линий
Ты победе – живой и сладкой —

Улыбнёшься – зарёй, богиней
И расплачешься… ленинградкой.

Мистическая баллада о небезвозвратно почившем господине Дне и последствиях его успения

I

Умер день.
Старый скряга!
Увы – ни гроша наследства.
Ни копеечки ломаной, ни ерунды на память.
Лишь сиротка Луна, за монету сойти надеясь,
Серебрит отраженьем тоскливым речную наледь.

Без нелепой агонии, без поминаний былого,
Но от этого все же не менее безвозвратно.
Господин скончался!
Не мучаясь:
Раз – и готово.
И сгорел подчистую сразу в печи закатной.

Облака в океане чернил
Напрягают жилы,

Пахнет ветер не то валидолом, не то шампанским…
Я б цветов поднесла – да нигде не видать могилы.
Я б оплакала – да не отпето по-христиански.

II

Ночь – столикая, тьма – красавица!
В робе траурной – всё забавится!
Дикой ведьмою носится по миру:
«Дню конец! – кричит. —
Помер!
Помер он!..»

Звёзды —
Демонов бледные очи
Истаращились, изворочались
Изблестили – да пылью смарагдовой —
Тьму холодную,
Непроглядную.

И ни зги-то не видимо в темени,
Кроме плясок бесовского племени…
Вот слышны леденящие вздохи…
И промёрзшая плавится улица:
Ишь хохочут как!
Ишь беснуются —

Сатанинские скоморохи!..

III

Скачет чёрт безобразного вида:
Панихида дню!
Панихида!
Ведьма вырвала посох мороза:
Вот вам чёрная
Лакримоза!

Филин ухает – эхо глухо,
Темень кашляет, как старуха.
И то вблизь, то наверх, то прочь
искры скопом швыряет ночь.

Точно тесто, беду замесила…
Эх, гуляет нечистая сила!..

IV

Снег. Гам. Смерть. Сон.
В бело-голом поле – трон.
Чернокаменный.

Искры бьют со всех сторон:
Пышет жаром страшным он,
Точно пламенный.
Но не свет владеет им,
Огневым и ледяным, —
Адский дым!..
Нечисть носится вокруг —
Вниз и вверх, за другом друг,
В землю клонятся.
Вереницы тёмных слуг
Частоколом тёмных рук
Рвут бессонницу!
А по центру – кочегар,
Черномаз и гневно яр,
Сам кошмар.
На просторе мировом
Восседает божеством
С торжеством!
«Подносите, – требует —
Жертву славную,
Нынче – скованную
Да бесправную!
Златокрылую зарю красна солнышка!
Наливай, холопьё!
Пей до донышка!»
Да как встанет в полный рост,
Подбоченится…
Черти, гнусом загудев,
Тащат пленницу!

Крылья связаны у ней
Сплошь канатами,
Вся горит огнём огней,
Под проклятыми —
Когтистыми лапами.
Из сплетенья чёрных тел
Снова Ярый прогудел:
«Рвать на части!
Потушить – чтоб не не цвела
И навечно умерла
В чёрной пасти!
Вместе с тем вчерашним днём,
Что забылся скорбным сном!..»
Рвать – до ран!
Ревёт барабан.
Кара – груба!
Вторит труба!

V

Что за звук в отдаленье
Разрезал истерзанный слух?
Где-то в русском селенье
Приветствовал утро петух.
Ясно-радостный голос
Среди какофонии тьмы —

Как живительный колос
В голодных объятьях зимы.
Точно молния – звёздно
Рассёк исчернелую высь,
Так что рано иль поздно
С ней черти ночные слились
И пропали бесследно,
Рассеяв чудовищный мрак.
Сквозь вздохнувшую землю
Ниспал перепуганный враг.

И заря полевая,
От мучителей освободясь,
Заискрилась – живая! —
В необъятную синь поднялась.

И упали оковы,
Что чернели на тёплых ногах…
И деньская по новой
Жизнь вспорхнула, поправшая прах.

«Ах ты детство, детство неразумное…»

По приезде в Сиверскую, летний дом детства

Ах ты детство, детство неразумное —
Небеса в подтёках околесицы,
Тёплый дым над радужными клумбами,
Старый куст у перегнившей лестницы.
Все цветёт полуденное марево,
Слышен хрип качельной перекладины…
Помнишь, друг, нас лето крепко жарило,
Заживляя горести да ссадины!
Ой, гоняли с ветром вперегоночку,
И смеялись, и сверкали пятками!..
Знаю, помнишь, как бродили до ночи,
Как пылало солнце меж лопатками.
Друг ты мой! Пора настала трудная:
Детство в омут кануло без времени.
Спит деревня. Тишина безлюдная
Гладит поле по седому темени.
Летний дом мертвецки скособочился,
Да бурьян разросся над завалинкой…
Ах ты, лес, тебя я помню рощицей,
Ты меня – такой чертовски маленькой…
Будет слёз ещё немало вытерто,

Много будет в чашу жизнью налито…
Я все та же девочка из Питера,
Что за город выезжала на лето.

Ведьма

С рассвета на площадь стекается люд:
Проклятую ведьму сегодня сожгут!
Сухою соломой покрыт эшафот,
Заранее весел народ!

Мелькают чепцы и пестрят колпаки,
По слякоти скачут, теснясь, башмаки,
А вот и епископ дряхлеющих лет —
В роскошную рясу одет.

С ним целая свита святейших отцов
И судей – честнейшей души мудрецов!
Гудит в нетерпенье священная знать —
Пора бы уже начинать…

Зеваки под хлюпанье грубых колёс
Пустили на площадь торжественный воз:
Телегу (да с клячей заместо коней)
И клетку глухую на ней.

Вся чёрная, будто копавши золу,
Там ведьма валялась на грязном полу,
И в тряске совсем не срываясь едва,
Моталась её голова.

Свистя, за повозкой гналась ребятня,
Кидалась камнями, колдунью кляня,
А рядом, как гордый чернеющий грач,
Вышагивал чинно палач.

И вот поравнялась повозка с толпой.
Чуть не был раздавлен бродяга слепой,
Шатавшийся праздно у ней на пути,
Да, к счастью, успели спасти.

Поодаль закованный, выкрикнул вор:
«Долой дьявольщину! В огонь! На костёр!»
И люд поддержал златокрада того,
Недавно плевавший в него.

За волосы выволок ведьму палач
Под гиканье черни, под хохот и плач,
И бросил, как тряпку, в вонючую грязь,
Под маскою хрипло смеясь.

Ужасна злодейка поистине та:
Драниной прикрыта её нагота.
Недавно касался испанский сапог
Босых искалеченных ног.

Пятнадцатилетняя девочка – яд:
Костлявые руки из робы торчат.
А грязные патлы, как сажа, черны —

Примета шайтанской вины.

«В страшнейших грехах обвиняешься ты!
Крещёная злом самого Сатаны!
Призналась давеча колдунья во всём,
Судимая честным судом…

Призналась: порой колдовала в ночи,
Украла четыре церковных свечи,
С неведомым духом беседы вела
И с кошкою чёрной жила.

От этих злодействий тебя до утра
Очистит священное пламя костра!
Могла б индульгенцию также купить —
Да некогда злато копить…»

Колдунья, сполна натворившая зла,
Усилием воли лицо подняла,
И детские глянули небом глаза —
Невысохшая бирюза.

«Деяний своих от людей не таю,
Да только, епископ, я правду твою
Разрушу, ведь Дьявол, поверь, не при чём
В магическом действе моём.

И впрямь ворожила я лунной порой
Над милой моею болящей сестрой,

Лечила волшебным настоем из трав,
Быть может, законы поправ.

И свечи взяла, только вам не назло:
Чтоб в домике стало соседском светло!
А прежде ведь в Храме просила огня —
Как ведьму, прогнали меня!..

В том доме старуха одна умерла,
Бездетно и голодно, трудно жила!
Кому ж, как не мне, было свечи принесть,
Молитву усопшей прочесть?..

Я кошку себе не могла не забрать:
Старушка любила её, словно мать —
Родное дитя. Да к тому же одна
Погибла бы точно она…

Бесплотный же Дух, собеседник ночной —
Есть ангел-хранитель с рождения мой!
И в Храме святом, подходя к алтарю,
Частенько я с ним говорю…»

Промолвил епископ: «Родная моя!
Открылась ты честно, греха не тая…
За это, сердечную правду любя,
Всевышний прощает тебя!»

На буром от крови засохшей лице

При упоминанье о светлом Творце
Алмазами слёз заблестели глаза —
Заплакавшая бирюза…

«Ужели и вправду теперь прощена?
Ужель поднимусь из тюремного дна?
Вернусь ли к сестре, коли пыткам конец?
Ответь же, церковный отец!»

Старик улыбнулся: «Забыта вина!
Пускай же тебя не тревожит она…
А значит, свободна душа с этих пор…
Без страху иди на костёр!»

Над площадью стал смоляным небосвод.
Давно разошёлся нарядный народ.
И лишь правосудия тлели огни,
Да мрачно темнел эшафот.

Над ним, средь ворон – средь крылатых углей —
Голубка летала, что снега белей.
И сколько, крича, ни старались они —
Никак не притронуться к ней!..
А где-то малышки всё плачут глаза —
Другая уже бирюза.

Весна 2009 года

Царскосельские лебеди. Поэма

Святые сны сплелись со словом «сад»,
Созвездиями сумрак серебрится;
Ссутулясь, словно старые сестрицы,
Седые сосны сахарно скрипят.

Сарай Саарский синью стен сочится,
Садовые скульптуры сладко спят…
Сакрально строен северной столицы
Столетиями славленный собрат!

Светает. Солнце сеет семена
Спасительно-спросонного сиянья,
Свой сизый саван синева сняла…
Страдавшая, стонавшая сполна,

Салонным сердцем – с силой созиданья —
Смеётся стать Саарского Села.

I

Многоточье февральской ночи
Измельчало в спросонный гам.

Снова мартом, журча, мироточат
Развороченные снега!

Сивый саван надрусье сбросило,
Голубени благоволя;
Предрассветной поры многоросие
Прослезилося на поля…

Был ли более счастлив доселе я?
Лишь однажды, рассветы назад:
Солнцеликое царскоселие
Целовало мои глаза…
Шёл, послушный беззвучному зову, я
По аллеям – в лиловый плен,
И зарницей лазурь бирюзовая
Полыхала с дворцовых стен.
Заколдованный явью узорною,
Забродил я меж грёз, вне людей,
Загляделся на гладь на озёрную,
На жемчужно-живых лебедей…
Простирался повсюду пестреющий сад…
Был я счастлив рассветы назад!
Мокнет, меркнет виденьем раздавленный март,
Рассыпается грудой карт…

II

Превосславленного Воскресения
Отзвенели колокола!
Вдаль уносится тройка весенняя:
Бездорожье – небесная мгла!

Синь июньскую сонно-высокую
Заюлила июльская жарь.
Поле солнышком, кажется, соткано,
Словно русской крестьянкою встарь.

Светотень синевисто-виссонную
Где я сердцем уже смаковал?
…Негу помнит мою благовонную,
Царскосельскую, церемонную —
Царскосадовый карнавал!

Я по полю бреду; пыльно поле-то —
Но глаза от иного горят.
В них пылает дворцовое золото
С белизною резных колоннад.

И колени дрожат оробелые,
Сердце, полно тебе – не дрожи!
…Плещут крыльями лебеди белые

По волнам опалённой ржи…

Прорастает из почвы испамятный сад,
И скульптуры целуют взгляд,
И молочно-белёсые губы богов
Проливают неслышный зов.

III

Плачет небо лиловой лавою:
Пленный ливень стремится вон.
Ослеплённое сгинувшей славою,
Пало лето на плаху времён.

Тучи, черти, опаловой плевою
Ох, хоронят – да охру полей…
Осень венчана стать королевою
И троих поменять королей!

Пара первых сокрыта могилою:
Срок отсижен, оплакан конец,
И ноябрь сбирается с силою,
Мировой примеряет венец.

По морям всепланетного тления
Брежу, брежу – то вброд, то вплавь…

Нега ль гонит? Геенна осенняя!
Вьётся выею змейною явь…

Поле ливнем елейным заплёвано,
Почва, чавкая, ступни сосёт.
То, что в разум вровнялось, вмуровано,
Всюду в небо, волнуясь, ползёт.
Лезут – золото, стены лазурные,
Колоннады – из-под земли;
Нимфы мраморные да ажурные
Шепчут: «Верный!.. Гляди! Внемли…»
Чай, ничком через чаянья чинные…
Часом, навзничь; кругом – гроза…
Отче! Очи кричат лебединые,
Клики птичьи клюют глаза!..

IV

Царскоселье моё, царски сильное!
Перья кожу дерут изнутри…
Я лечу к тебе мглою пыльною;
Ну же, вылечи, не кори!..

К чёрту личность: чужбиной червивою
Доведённый до чёрной черты,
Птицей вольною, птицей спесивою

Я врываюсь в твои сады!

И над царством цветенья дворцового
Блудным лебедем бью крылом,
К пелене серебра озерцового
Рвусь сквозь завесь небес – напролом…
Подо мной, как ладонь, разаллеены,
Разлинованы длани Села;
Полнокровной Элладой взлелеяны,
Улыбаются белые эллины —
Древний мрамор нагрет добела!

«Недвижимые! Мир вам, хорошие!
Долго не был в миру я родном…»
Брызги свежие перья взъерошили,
Бытие провернулось вверх дном…

И плещусь я по ряби пруда-озерца,
Выгнув выю на зов бирюзовый дворца.
Меж друзей бледнокрылых по глади плыву,
Перед счастьем склоняя главу.

Post factum

Когда струной судьбы порвётся нить,
Когда и отпою, и отсмеюсь —
Прошу я вас меня не хоронить,
Не зарывать в заплаканную Русь.

Пустите душу плавать к островам,
В часы сердечко вплавьте сгоряча…
Я буду с неба зубоскалить вам,
По голове секундами стуча.

Храните лавры – этот славный сор,
Которого мне не было милей…
А тело – чёрт с ним. Вы его – в костёр,
Как древних скандинавских королей…

Сквозь века

Остановиться? А сами где взяли бы силы вы?
Остепениться? О, соло – иная степь!
Я хочу выплясать словом все эти символы:
Весь этот космос растёт из моих костей!
Осатанеть? Слишком много света и Бога,
Бога и света; последний по сути – Бог.
Только б успеть! Мне бы только испить из рога,
Не испугать
просыпающийся
песок!..
Снятся песку полосатые всплески странствий,
Солнце, что плавило сахар его Сахар…
Сыпься, песоче, – но спи,
но не просыпайся!..
Тихо —
расконденсируйся
в стихо-
пар!..
Пар воспарит, во вселенский вгрызётся хаос;
В русле столетий
кости
станут
песком.
Хэй, поколенье-постскриптум:

я здесь!
Я каюсь,
Волны
времён
рассекая, к тебе —
босиком!..

Певец. Скандинавская баллада

Воздымалась грудь корабля-дракона,
Вороной буран хрипотливо ржал.
Белый скальд с бородой как дубовая крона
Побережною песней нас в путь провожал.

И бурлило зелье, глотая небо,
И гудящий сумрак пучину тряс,
И бездвижный старец, казалось, немо,
Осиянный звуком, глядел на нас.

Ворожил – и взлетали крылами вёсла,
Чугунел корабельный чешуйчатый борт…
И мы верили в то, что вернёмся в Осло,
И мы знали, что битвой прославим фьорд.

Дом остался вдали, за солёной долиной,
За простором, который стирает следы;
Лица стали у нас – обожжённою глиной,
И оплавило марево наши щиты…

Иссыхали гортани от южной сини,
С каждым выдохом – силу сосала соль…
Погибал дракон посередь пустыни,
А напившись вдоволь, свистел бы вдоль!

Взборонил бы ей водяное брюхо,
Искровил бы кривую, тяжёлую муть…
Если б Севера только – живого духа —
Паруса, как жабры, смогли хлебнуть!

А кругом – врагом наплывает гибель:
Льёт на палубу солнце свой жёлтый жир;
Судно чёрных людей, повелитель рыбий,
Косоглазою смертью спешит на пир…

Храбрецами заморский корабль полнится,
Чужеземною тучей летит супостат…
Сыто скалятся недругов смуглые лица,
Полумесяцы сабель блестят!

Мы жевали жадно горячий воздух,
Нас в солёном масле тушила сушь…
А с родимого брега, сулящего роздых,
Вся Норвегия скальдом вздымала посох:
Это старец молился за славу душ.

Белой птицей скакал – босиком по скалам,
Завывая, к суровым взывал богам…
Мы горели, но верили – дело за малым:
Возвратиться во славе к своим берегам!

С горизонта,
как с наковальни ада,

К полю брани – тени грозою шли…
Трёхголовою ведьмой неслась громада —
Это смерть с мавританской летела земли!..

Вслед за братом, что пеклу по роду угоден,
Вслед за первой ордою – тройная рать!
Мы хрипели хором: «Храни нас, Один!» —
Лишь отваги молили дать…

Мы хрипели певучим туманом Норда
И сжимали эфесы стальным кулаком…
И казалось – мощью родного фьорда
Собирался над шлемами гром.
Мы алкали ратной победы гордо —
Иль конца, но в геройстве своём.
Только гуще жара; и огнями агоньи
Мельтешат моряки на чужом корабле.
Наши вёсла – усталые крылья драконьи —
Измождённо повисли в зелёной смоле.
Эта липкая вязь паруса лизала,
Но холодной мощью резвился взор.
Нас тянуло в бой: нас ждала Вальгалла,
Нас напитывал мощью Тор!
Песня тихая старца сквозь мили звучала
Громогласно, как странный хор…
Недруг ближе и ближе, громаднее, строже:
Всё безумней дудит, что неведомый зверь…
И кривятся на вражеских палубах рожи —
Ох, напрасно! Не знают варяги дрожи,

Мы сражаемся до обескровленной кожи
И уходим в морскую серь!..
Был суровым бой, словно серый север,
Словно самый варяжский род.
Кровенел белоснежной пены клевер
На лазури морских широт.
Мы не смели чуять ни ног, ни боли,
Как не чуяли б их праотцы;
И один за одним в чужеводной соли
Находили приют бойцы.

Но орда чернолицая нас не пугала,
Мы рубились – и всё горячей!
И, казалось, уже улыбалась Вальгалла
Нам приветственным звоном мечей…

И хрустели мачты, корма хрустела,
С четырёх неприятель сторон ликовал…
Бушевал он, кромсая драконье тело;
Бился моря кровавый шквал!
С четырёх сторон вражья грудь дудела,
Точно дьявольский двор пировал!

Тут безмолвный драккар заревел драконом,
На дыбы поднялся, скрипя кормой…
Мы схватились за мачты, и в страхе зелёном
Враг застыл побледневшей тьмой.

Паруса надулись внезапной бурей,

Запестрели молнии страстью фурий!..

А дракон неистово бил крылами,
Обезумев, рычал и пучину рыл;
И разило врага ледяное пламя,
Смертоносный огонь разил!..
Вся Норвегия щедро свистела ветрами
И дышала в жабры ветрил!

…Мы под звёздами плыли по слёзной смоли,
Да с победой – к священным норвежским лесам,
В край, где белые скальды бросаются в море,
Отдавая жизнь – парусам.

Дом

Я дома. Я снова —
На родине Цоя,
В объятиях зноя
С утра до утра.

И небо вдыхаю —
Без краю,
Густое,
Что – с запахом крова,
Что – с кровью Петра.

О, кровью румянится
Сумрак спесивый,
Моею Россией,
Зарёю моей.

Я пьяница, пьяница:
Алою силой
Питаюсь —
И каюсь
В июлевый хмель.

Налейте мне совести
Вместо печали,

Чтоб сны не стращали
Усталую дочь!..

Приехала в гости,
Стою на причале.
Финалом для повести —
Белая ночь.

Молния

Мелькнула дорожка во мраке ночи,
Зажглась и погасла тотчас;
Она не вернется, как пламя свечи,
Навек отгоревшей для нас.

Сквозь бледные капли в ночной пелене
Пустила свой призрачный свет.
Решила, наверное, дать она мне
Беззвучный и важный совет.

Как будто листва, облетали года:
Стремителен времени ход…
Я молнию помню: исчезнув тогда,
Она меня где-то ждёт.

2000 г.

Вершина

Быть иль не быть нашей дружбе? Как знать, как знать,
Коль жалеют ответа скупые дорожные знаки?
Раскрошились слова – то, что важно,
теперь не сказать —
Я грызу их, как зубодробильные козинаки.

Грузно дышу; только сердце – прочнейший мотор.
Тишь в голове, точно ночью меня порешили.
Но хорошо, но привольно в обществе гор!
Может, без друга – но буду на самой вершине!
Горше не станет, ведь горше уже – никак!
Вирши мои мне послужат походным маршем.
Дом далеко: каждый новый виной тому шаг;
Цель приближается, небо призывно машет.

Только буря в ушах обращается в тошный шторм;
Свирепеют моря изнутри черепной коробки.
Вижу горный хребет я конечным земным рубежом —
И держу к нему путь. Он, по счастью, совсем короткий.

Ночь утробно гремит, будто шабаш семи ветров.
Я цепляюсь, как зверь, за последний барьер до цели…
Рвусь я к звёздам лицом обветренным;
грудью бросаюсь на пик трудов.

Стяг вбиваю копьём в темя горное,
с пальцев стирая солёную кровь…
И гляжу я вниз. Знаю: там, где остался кров,
Друг в холодном поту подскочил на своей постели.

Снег выпал

Кто-то шепчется на снегу —
Это мои следы.
Снег сегодня выел тоску:
Слеп, как дрёма, и сед, как дым.

Снег спросонья выпал, как шанс,
На дорогу, ведущую вверх…
Он укутал, бело-мышаст,
Землю в волчий мех.

Принародно принарядил,
Накружившись всласть.
Я сегодня долго бродил,
Не боясь пропасть.

Оттого-то теперь покрыт
Веской вязью весь —
В землю выплаканный навзрыд
Сон и сын небес.

В землю выплакан – лёг на ней,
От ступней бугроват:
Я сегодня блуждал вдоль дней —
То вперёд, то назад.

Утомившись, присел на миг,
Как на сваленный дуб.
Слышишь, шёпотом снег дымит?
То века идут.

Авель

Брела по земле я с Авелем,
Был песнею полон рот.
Но друга схватили Те Самые
И грудью – на эшафот.

Клинок к кадыку приставили
И выплюнули от щедрот
Ему – обо мне: «В бесславии
Помри, или пусть поёт!..»

Но тщетно руками потными
Мусолили честь палачи:
Невинные ни оробелыми
Не воют, ни обречёнными.

Шептал мне Авель: «Не пой ты им…»
Очами кричал: «Молчи!»
Уста его были белыми,
Глаза его были чёрными.

Под взором, под небом – сутулая,
Для светлых лелеянный гимн
Сглотнула я, трудно сглотнула я,
Чтоб он не достался другим.

И комом та песня – не песнею —
Застряла в горле моём…
Казнили Авеля бестии,
Сквозь брань хохоча втроём.

Один, что назвался Каином,
Мне кинул, травинку жуя:
«Достойна рукоплескания
Великая стойкость твоя».
И прыснул глазами карими,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.